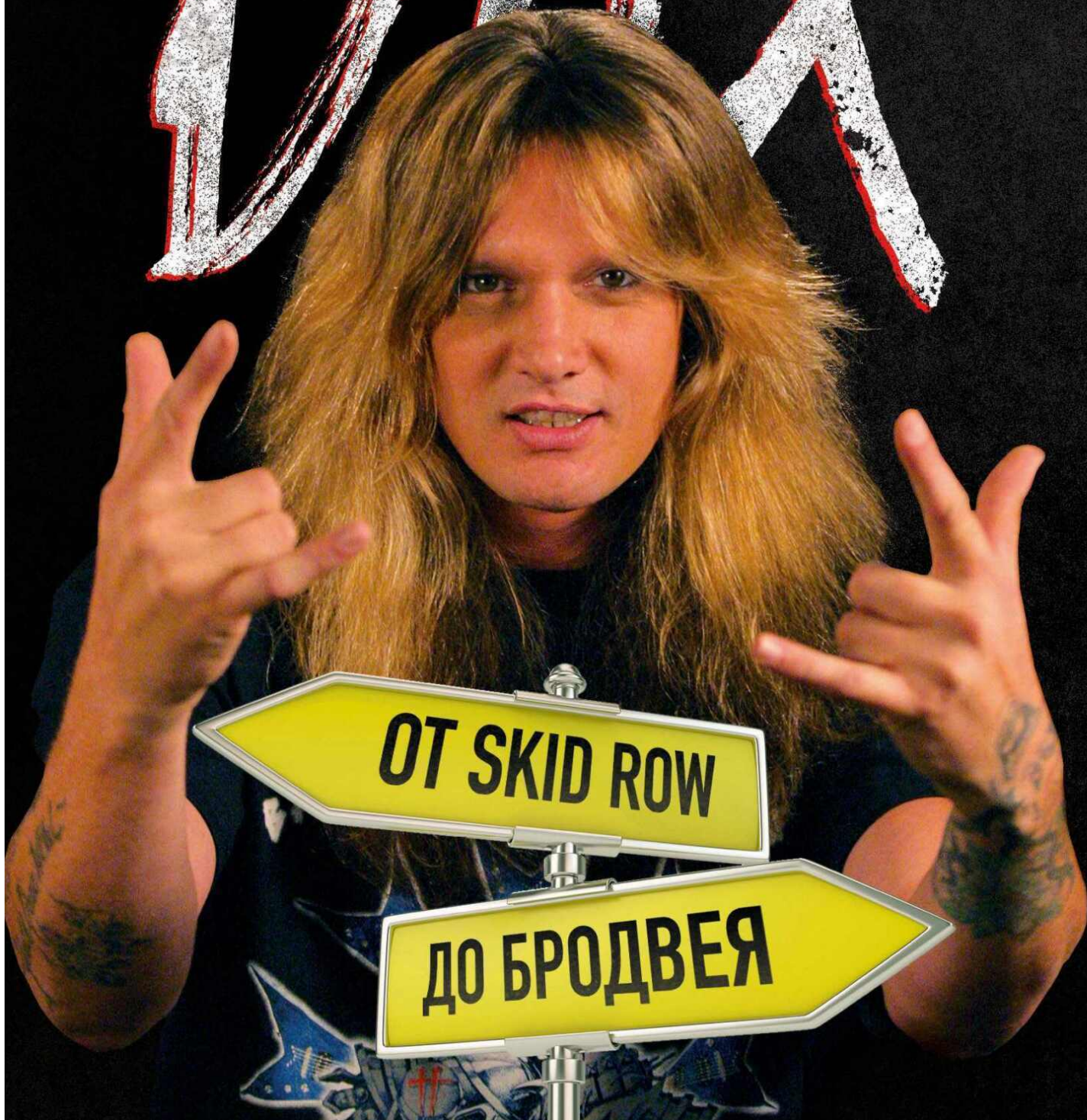

СЕБАСТЬЯН

БЛАХ

ОТ SKID ROW

ДО БРОДВЕЯ

Боги метал-сцены

Себастьян Бах

**Себастьян Бах. От
Skid Row до Бродвея**

«ЭКСМО»

2016

УДК 785(092)(73)
ББК 85.318

Бах С.

Себастьян Бах. От Skid Row до Бродвея / С. Бах — «Эксмо»,
2016 — (Боги метал-сцены)

ISBN 978-5-04-193785-0

В своих мемуарах Себастьян Бах рассказывает мрачные истории о бесчинствах и разврате, творившихся во время путешествий по миру с Bon Jovi, Aerosmith, Motley Crue, Soundgarden, Pantera, Nine Inch Nails и Guns N'Roses. За время карьеры солиста Skid Row и сольного исполнителя Себастьян Бах продал более двадцати миллионов пластинок. Он известен хитами I Remember You, Youth Gone Wild и 18&Life, а Slave To The Grind стал первым хард-рок-альбомом, дебютировавшим на вершине хит-парада Billboard Top 200. Это история успеха юноши и группы, распавшейся на самом пике успеха. Это рассказ мужчины, осуществившего самые смелые мечты, потерявшего семью, а затем и дом. Это книга об упорстве, вине, женщинах и песнях, а также о вечной жизни на колесах. Это не обычные рок-мемуары, потому что Себастьян Бах — не обычная рок-звезда.

УДК 785(092)(73)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-193785-0

© Бах С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Начну сначала	9
Взросление Себастьяна	12
Бах в Америке: вояж Панкратия	13
Одержимость длиной в жизнь	14
«Слава в вышних Богу»: я полюбил пение с ранних лет	17
Расставаться всегда тяжело	21
Демоны рока	23
Джек-пот в рок-н-рольной лотерее	24
В нездоровом теле здоровый дух	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Себастьян Бах

Skid Row Себастьян Бах

18 AND LIFE ON SKID ROW

Sebastian Bach

© 2016 by Sebastian Bach

Published by arrangement with Dey Street Books, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Миленина О. Д., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моей матери Кэтлин.

Благодаря тебе я живу.

Моей жене Сюзанне.

Благодаря тебе я люблю.

Моим детям.

Благодаря вам я смеюсь.

Рику и его команде.

Благодаря вам я держу марку.

Моему отцу.

Благодаря тебе я не боюсь мечтать.

Пролог

Молодежь безумствует

27 декабря 1989 года

Спрингфилд, штат Массачусетс

Я прикасаюсь к губам. Пот течет ручьем. Я стою в центре сцены. Во рту что-то соленое. Взгляд падает на пол.

И тут замечаю стеклянную бутылку. Она валяется на металлической сетке. По рукам сочатся алые струйки. Я пробую эту субстанцию на вкус.

Почему я весь перепачкан красной жидкостью?

Вытираю лоб. Вдруг понимаю, что по лицу течет что-то вроде томатного сока.

Зачем кому-то бросать в меня стеклянную бутылку с томатным соком?

Однако, к моему полнейшему ужасу, шоку и изумлению, выяснилось, что лицо заливал не томатный сок. По нему сочилась моя кровь. На глазах у 20 000 человек. На разогреве у моих кумиров, Aerosmith.

Я стою на сцене перед переполненной ареной, а лицо и руки залиты собственной кровью.

Глаза налились кровью. И не той, что на лице, а от гнева в душе.

Народ на танцполе сам по себе безбашенный.

Когда на концерте нет стульев, а тысячи людей пихаются в потной безумствующей толпе, ситуация запросто может выйти из-под контроля. Я смотрю на беснующуюся толпу оголтелых рок-н-ролльщиков. Именно тогда и случилась та печально известная заваруха, набравшая миллионы просмотров на YouTube.

– Какой мудака это швырнул?

Десяток человек обступают одного парня. Все тычут в него пальцем и кричат мне.

– Это был он, это был он!!

– Слышь, *ублюдок*, это ты?

Парень в центре молчит. Глядя мне в глаза, показывает средний палец, отчетливо давая понять: «Да пошел ты».

То, что произошло дальше, пробило первую брешь в броне популярности. Популярности Skid Row. Именно в тот самый момент моя детская мечта начала напоминать взрослый кошмар.

До того случая я уже лет семь-восемь выступал в клубах. Барах. Кабаках. Играл по три сета за ночь. В основном каверы для подвыпивших рок-н-ролльщиков Квебека и Северного Онтарио. Потасовки стали неотъемлемой частью многолетнего образа жизни. Я просто не умел реагировать иначе.

Но это был не клуб.

А забитая до отказа арена. На 20 000 человек. Определенно не лучшее место, чтобы выяснять отношения единственным известным мне способом. Жизнь изменилась. Но мне не хватило мозгов понять, что и самому нужно измениться.

Я ору в микрофон: «А ну-ка разошлись, блядь!»

А потом машу руками, чтобы все отошли от того парня. Кому я намеревался как следует навалить.

Поднимаю со сцены стеклянную бутылку. Отхожу назад к барабанной установке, чтобы хорошенько разбежаться и наброситься на заклятого врага. Песня, которую мы собираемся сыграть, называется «Piece of Me». Никогда бы не подумал, что слова воспримут буквально. И полоумный фанат. И я сам.

Я смотрю в глаза тому чуваку, а он снова посылает меня *на хер*. Я в ярости и не позволю ему выиграть этот бой.

А затем совершаю немыслимое.

Бросаю стеклянную бутылку в зрителей, целясь в парня со средним пальцем. Проблема в том, что толпа огромная, и, хотя тогда я еще этого не знал, позже выяснилось, что бутылка... не попала в намеченную цель.

Изо всех сил я бегу к краю сцены. Спрыгиваю, рассекаю воздух, и каблук моего остроного ботинка прилетает прямо в челюсть тому парню. Моментально ее сломав.

Я набрасываюсь с кулаками на чувака, которому только что сломал челюсть. Я на танцполе, вокруг меня 10 000 человек, и я в буквальном смысле пытаюсь драться *со всеми сразу*.

Через пару минут охрана оттаскивает меня от парня и возвращает на сцену, под изумленные взгляды товарищей по группе.

Мы снова пытаемся начать «Piece of Me».

Негодяй в городе.
Знаешь, мне бы только подраться,
Я на каблуках и выгляжу классно
В субботу вечером, вечером, вечером.

Я вою в микрофон, на каблуках, в городе и ищу повод подраться. А кто-то, возможно, даже назвал бы меня классным. Трясу башкой, заливая кровью и потом первые ряды. Шоу заканчивается, а из открытой раны в голове продолжает хлестать кровь.

Уверенные, что все в порядке, довольные своим в буквальном смысле *сногшибательным* выступлением, мы переходим к привычному ночному ритуалу – алкашка и курево. Но сегодняшний вечер будет не похож на остальные.

Как только шоу заканчивается, мы поспешно ретируемся к автобусу. Менеджер хочет, чтобы мы покинули площадку как можно скорее. Точнее, ему нужно, чтобы мы как можно скорее уехали из *штата*. И все понимают почему, но, слушайте, тот чувак это *заслужил*.

Я сижу в передней части автобуса, продолжая истекать кровью. Рана на черепе намного больше, чем казалась на сцене. Добрых три сантиметра, а то и больше, прямо на голове. На коже.

Волосы и лицо в крови. Дэйв «Змей» Сабо, сидя напротив, наливает нам выпить. Он пытается меня подбодрить. А я начинаю реветь.

Водитель автобуса, потрясающий Кенни Барнс, выполняя распоряжение менеджеров Дока и Скотта МакГи, пытается как можно быстрее пересечь границу штата. Мы мчимся по городу, потягивая напитки и готовясь повернуть то же самое в следующем городе следующим вечером. Мы пытаемся внушить себе: *послушай, приятель!! Это рок-н-ролл!*

Мы не преступили черту.

Внезапно выясняется, что нас преследует полиция штата Массачусетс. Тихо. Они едут прямо за автобусом. И их много. Кенни психует. Как и все. Особенно я.

Наша поездка неожиданно подходит к концу. Полицейские включают красные мигалки и врубают сирены. Нас заставляют съехать на стоянку торгового центра. Недалеко от границы штата, если я правильно помню.

Автобус встал посреди парковки. Полицейские нас окружили. Они припарковались по кругу на равном расстоянии друг от друга. На каждой патрульной машине горит дальний свет, мигают сирены, и все фары направлены прямо на нас. Свет огней заливал автобус, отчего салон становится ярко-белым, прямо как в сцене с мальчишкой в фильме «Близкие контакты третьей степени».

Однако этот контакт обернулся сущим кошмаром.

Примерно через час служители правопорядка заходят в автобус. За мной.

На меня надевают наручники и, подняв с шикарного кожаного дивана, выводят на свет примерно десяти патрульных машин штата Массачусетс.

Я совершенно не осознаю всю тяжесть произошедшего тем вечером. Сажусь на заднее сиденье полицейской машины, веселю офицеров шуточками. Я все еще в наручниках, истекаю кровью и слегка под кайфом.

Парни явно не в восторге.

– Зачем ты это сделал?

Что сделал? Наверняка они такие же, как и те, кого я знал. Большинство копов, с которыми приходится иметь дело, – фанаты рок-н-ролла. Наверняка и эти парни в синей униформе закроют на все глаза.

Как я мог *не надрать задницу* парню, швырнувшему в меня стеклянной бутылкой? Разве они не видят кровь у меня на волосах? Или открытую рану на макушке?

– В чем проблема, офицеры? – я спрашиваю, явно не готовый к ответу.

– Как ты мог такое натворить, чувак?

– Что?

– Она пострадала. Девушка в толпе. Та самая, кому ты сломал нос.

– Эээ?

– Да, дебила кусок. Ты швырнул бутылку со сцены, а она прилетела ей прямо в лицо. Ты сломал ей нос. А еще ты парню челюсть сломал. Как, твою мать, так можно? Покалечить девушку?

Я рухнул на заднее сиденье, не поверив своим ушам.

В голове не укладывалось, как я мог такое натворить. Причинить такой вред.

Ранил невинную девушку в потасовке. Фанатку рок-н-ролла. Самое дорогое моему сердцу.

Рок-н-ролл должен дарить веселье. Должен быть самым угарным из всего, что у вас когда-либо было.

Рок-н-ролл – это то, что вы слушаете, чтобы *сбежать от всего плохого*. Он не должен нести страдания. Эта боль и все разрушения – из-за моего *поганого поведения*. Да, без сомнения, в тот вечер я повел себя как конченный мудака.

Представил брошенную бутылку, прилетевшую в лицо фанатке, и, сгорая от стыда, опустил окровавленную голову. И заплакал.

Я всего лишь хотел развлекать людей музыкой. И пением. Собственным голосом. И никогда не пытался казаться «плохим парнем». Я всегда старался быть *хорошим*.

Той ночью двери тюремной камеры захлопнулись за мной с глухим стуком. Я сидел и обдумывал тяжесть своих поступков.

Как же иронично.

Мы безумная молодежь. Верно.

Но за все приходится платить.

Начну сначала

Около 1970 года

Фрипорт, Багамские острова

Жарко. Багамское солнце Фрипорта, выглядывая из-за папиной головы, светит мне прямо в глаза. Яркое сияние меня слепит, но, когда перевожу взгляд на отца, глаза расслабляются. Понимаю, что если смотреть на его улыбающееся лицо, то не нужно щуриться. Это самое первое воспоминание в жизни.

Я решил, что начну с самого начала.

Босые ноги огнем горят от жары. Мы на заднем дворе своего дома. Я абсолютно сбит с толку. Ничего непонятно. На земле большая звезда. Понятия не имею, что это. Помню, как указал на эту штуковину и спросил: «Пап, это что?» Он объяснил, что вообще-то это рыба. Что она дышит. Что такие водятся в океане. Но эта каким-то образом оказалась у нас на заднем дворе, на раскаленной террасе. Отец объяснил, что ее место в воде, потому что именно там обитают морские звезды. Я был ошарашен.

Как морская звезда могла оказаться не в своей стихии? Интересно, рыба задохнется без воды из-за того, что время на исходе? *Умрет ли она, если станет слишком жарко?*

Или еще можно спасти жизнь морскому созданию, вернув в привычную родную стихию?

Какого черта эта штуковина делает у нас во дворе?

Это первое воспоминание.

Второе воспоминание.

Я сплю.

Теплый, знойный багамский воздух проникает через москитную сетку. Я помню веранду с той сеткой в доме во Фрипорте.

Она была натянута по одной стороне дома и не давала островным жукам и прочей живности проникать внутрь.

Это мы так думали.

Я лежу на боку. Рука свисает с матраса на пол. Я начинаю засыпать, а родители сидят в другом конце комнаты нашего скромного островного жилища. В помещении открытая планировка, и моя кровать (а может, и кроватка) стояла в углу, прямо у веранды.

Помню, мне снилось, будто что-то щекочет руку. Я медленно открываю глаза и вижу родителей: они сидят за обеденным столом, смеются и болтают. Над ними горит свет, а в той части комнаты, где я спал, было темно.

Сон продолжался. Все казалось таким реальным. Я тогда подумал: «Ого, мне и впрямь что-то щекочет руку». Снова открываю глаза. Смотрю под кровать.

Весь бортик и пол залиты ярко-красной кровью. Моя рука свисала с кровати, а у запястья сидела гигантская крыса.

Крыса грызла мою руку.

Я замер. Постепенно до меня дошло, что это не сон. Все происходило на самом деле. Крыса грызла мою плоть.

Я наблюдал, словно замороженный. Закричал тоже не сразу. Просто смотрел на кровь и на то, как меня поедает крыса. Помню, подумал: «Ого, а это даже не больно». Я был в шоке от количества крови. Даже крысиная морда была ею перепачкана. Зверек продолжал разгрызать открытую рану на руке.

Тогда я заплакал. Мама вскочила из-за стола и закричала, бросилась ко мне и взяла на руки. Родители тут же повезли меня в больницу.

На этом воспоминание обрывается.

В третьем воспоминании все еще жарко. И мы по-прежнему на Багамах.

Только теперь живем в многоквартирном доме с бассейном посреди двора. Мы с отцом плаваем. Идет дождь. Как же здорово купаться в прохладной воде в тропическую жару ранним вечером. Из-за дождя по поверхности бассейна бегут ручейки.

Папа говорит:

– Пора вылезать.

– Почему? – спрашиваю я.

– Если молния попадет в бассейн, нас обоих ударит током и мы умрем.

– Ээ, хорошо, пап! Тогда пошли домой.

Следующее, четвертое воспоминание отец рассказал всем гостям на моей первой свадьбе. От услышанного многочисленные друзья и родственники пришли в ужас.

В тот вечер родители ушли, оставив меня на попечении пожилой багамки. О том вечере в памяти остались лишь обрывки.

Я помню, что лежал в кровати.

После того как мать с отцом ушли, та дама без ведома родителей пригласила нескольких подруг.

Помню, как они рассматривали меня.

Папа же помнил эту историю в деталях.

Возвращаясь домой, он заглянул в окно и ужаснулся.

А когда распахнул дверь, от увиденного ему стало не по себе.

Пожилая няня привела в наш дом двух женщин. Они не заметили, как мама с папой вернулись. Когда они зашли в комнату, эта троица танцевала вокруг моей кровати, напевая в унисон какое-то неизвестное заклинание. Увидев в кровати своего ребенка, родители пришли в ужас.

Няня примотала мне ко лбу две длинные деревянные палочки. Получился младенец с искусственными «рожками» на невинной головке. Явно какой-то символ. О котором не знает никто, кроме женщин, присутствовавших там в ту ночь. Они совершали непонятный ритуал. С неизвестной целью. Кто знает, что они там пели, но очевидно, что палки, примотанные скотчем к голове, были чем-то вроде антенн. Может, для связи с потусторонними мирами? Что именно происходило в комнате той ночью много лет назад, до сих пор остается загадкой. Зачем эти багамки такое учудили, мне тоже совершенно неизвестно.

Это мои первые воспоминания.

На протяжении всей карьеры мое искусство постоянно переключалось с жизнью. И наоборот. От *Youth Gone Wild* до «Джекилл и Хайд», от «Иисус Христос – суперзвезда» до *Angel Down, Kicking & Screaming* и *Give 'Em Hell*. Меня всегда пугало и настораживало, когда спетые мной песни воплощались в реальность.

Также как и сны.

Все мои сны воплотились наяву... даже больше.

Также как и кошмары.

Рассказывая ту историю гостям на моей первой свадьбе, отец отметил, что тоже всегда удивлялся, почему *жизненный путь* его старшего сына столь *экстремальный* по своей природе. Почему все эти удивительные (и не очень) события и переживания происходили вокруг, из-за меня или наперекор мне? Почему мои сны становились реальностью, а у других нет? Почему многие мечтали о несбыточных фантазиях, но вынуждены были довольствоваться самой незатейливой судьбой? Если вы что-то и узнаете из этой книги, так это то, что жизнь может быть какой угодно, но только *не заурядной*.

Отец считал, что в ту ночь на Багамах произошло что-то сверхъестественное. Нечто, изменившее ход моей жизни. Он считал, что островитянки наложили на меня какое-то заклятье.

Конечно же, это просто теория. Возможно, это была просто какая-то бессмысленная забава.

Но допустим на мгновение, что они меня тогда заколдовали. Произнесли заклинание... позволив мне самому наложить заклятье.

На весь мир.

Взросление Себастьяна

1967–1968 годы

Фрипорт, Багамские острова

Папа был учителем рисования. Мама – медсестрой. Их история знакомства странная и немного забавная.

Вечер их встречи протекал у отца довольно бурно. В те времена у него была кличка Хондо.

В тот день Хондо с приятелями решили погонять на тачке по проселочным дорогам Фрипорта и хорошенько повеселиться. Не знаю, выпившие они были или нет. Ну, слушайте, на дворе 1967 год. Так что, возможно, они не до конца понимали, что творят.

Парни по очереди забирались на крышу машины, мчащейся по гравийным дорогам. Что-то вроде тех трюков из «Чудаков» с Бэмом Марджерой¹. Нетрудно догадаться, чем дело кончилось.

Пришла очередь Хондо «серфить». Он удерживал равновесие на крыше... пока водитель не ударил по тормозам.

Отец слетел с крыши напрямиком на камни, грязь и гравий. *И угодил в больницу.*

Где дежурила мама.

Там-то они и встретились. Он лежал на каталке и морщился от боли, пока мать выковыривала осколки камней и гравия из разодранного лица.

Романтика в чистом виде!

А где-то через девять месяцев на свет появился я.

¹ Комедийное шоу на MTV, где актеры, среди которых и Бэм Марджера, выполняли различные трюки.

Бах в Америке: вояж Панкратия

1800-е годы

Германия

Америка

Мой отец своего не знал. Дед ушел из семьи, когда папа был совсем маленьким. Нам было строго-настрого запрещено упоминать о нем или его родственниках. Была только *наша* семья. Так я узнал, что такое игнор. Папа в этом был мастер. В 1977 году он попытался отыскать отца, но тот умер всего за несколько месяцев до первых шагов к примирению.

В 2002-м, когда папа умер, я решил отыскать родню. Думаю, я просто не мог смириться с утратой. Благодаря интернету я проследил историю рода, в 1970-х проверить такое было невозможно. В небывалом умиротворении я изучал имена и фотографии на экране, читал истории, которые папе так и не довелось услышать. Они бы ему понравились. Именно тогда я помирился с родственниками по линии отца, и знаете что? Они любят рок-н-ролл так же сильно, как и мы. Думаю, это у нас в крови.

Мы не знали, что у нас немецкие корни. Семья бабушки из Норвегии. Но, думаю, папа не знал, что его предки по отцу из немецкого Баден-Вюрцбурга. Жаль, он не узнал, как его семья вообще здесь оказалась.

В середине 1800-х немецкий священник Мартин Стефан поведал прихожанам, что Америка – земля обетованная. Узнав об этом, немецкое правительство отлучило Мартина от церкви. Тогда он вместе с паствой отправился на бригантине из Баден-Вюрцбурга в Америку. Во время путешествия одна из лодок перевернулась, и все находившиеся на борту утонули в океане. Второе судно дошло до порта Нового Орлеана, штат Луизиана. Одним из пассажиров той лодки был самый первый член моего рода, прибывший в Северную Америку. Его звали Панкратий Бёрк.

Из Нового Орлеана судно направилось в Перривилль, штат Миссури, где и обосновалась семья моего деда. Я прямо слышу своих недоброжелателей. *Вот черт!! Не ту лодку выбрал!* Что ж, из книги вы узнаете, что нам всегда везло!

Отец был отвязным. Забавно, когда окружающие говорят: «О, Себастьян, ты такой импульсивный!» В папе было больше энергии, эмоций, размаха и интереса к жизни, чем во всех, с кем я знаком. Он жил искусством – живописью. И преподнес мне самый ценный урок. Пойми, что тебе нравится. Если будешь заниматься любимым делом, никогда не придется работать по-настоящему.

Ему нравилось рисовать. Я обожаю рок.

Я запомнил его в рубашке с засученными рукавами, а кожа от кончиков пальцев до локтей покрыта слоями разноцветного акрила. Через много лет он умрет от лейкемии и рака костного мозга. Уверен, что его здоровье подкосили свинцовые краски 1960-х и 1970-х годов.

Многие его приятели-художники, в том числе и лучший друг Деннис Турбен, умерли в пятьдесят с небольшим. Папа ушел в пятьдесят семь. В том же возрасте, что и дед. Уверяю вас, если доживу до пятидесяти восьми, закачу отвязную вечеринку.

Одержимость длиною в жизнь

Сложно описать, какое влияние на меня оказали родители.

Когда мы жили в Аркате, штат Калифорния, папа преподавал живопись в Государственном университете имени Гумбольдта. Там на одной из стен до сих пор висит фреска с моим изображением, он ее сделал будучи профессором. Майк Паттон из Faith No More там учился и каждый день проходил мимо этой картины. Он не осознавал, что на самом деле по пути на лекции видел самый первый постер Себастьяна Баха.

Я родился на Багамах, потом какое-то время мы жили в Калифорнии, после чего снова вернулись на острова. Где-то в начале 1970-х. Примерно в 1972 году отец решил найти постоянную работу, чтобы содержать жену и двоих детей.

Родственники мамы прислали раздел с объявлениями из газеты *Toronto Star*. На последней странице была вакансия учителя рисования в институте им. Кеннера в Питерборо, Онтарио, Канада. Отец получил эту работу. Мы загрузили пожитки в машину и поехали через всю страну. Из Аркаты, штат Калифорния, до Питерборо, в Канаду. Навстречу новой жизни.

Сказать, что мы выделялись в Питерборо, – ничего не сказать.

Родители тогда хипповали. Длинноволосые, на универсале «Вольво». Отец ходил в очках, как у Джона Леннона, мать – в кожаных сапогах. Даже милому шотландскому терьеру кличку дали Леннон. Сестру назвали Хизер Дилан, в честь Боба. Меня – Себастьяном, и не из-за мистера Френча из сериала «Семейное дело». И не из-за актера Себастьяна Кэбота. Хотя я был бы не против. Мне нравилось то шоу с Баффи и Джоди. Да я и сейчас его люблю. У меня даже диски есть. Вообще-то, меня назвали в честь Джона Себастьяна, вокалиста The Lovin' Spoonful.

В начале 1960-х во время учебы в колледже Беркли в Калифорнии папа находился под влиянием художников, поэтов и писателей того времени. Майкл МакКлур и Лоуренс Ферлингетти были его фаворитами. МакКлур читал пару лекций в Беркли и произвел на отца неизгладимое впечатление. У меня до сих пор хранится подаренная папе книга «Мятежные львы» с автографом автора, одно из самых ценных приобретений на сегодняшний день.

А одной из любимых групп отца была The Lovin' Spoonful, вокалистом у них был Джон Себастьян. Они даже пару раз пересекались. Как-то раз они поднялись на холм, откуда открывался вид на кампус. Раскурив на пару с Джоном косячок, папа заявил, что назовет первого сына в его честь. И вот он я. Сижу курю. Пишу книгу. «Здравствуйте, меня зовут Себастьян. Спасибо, Джон. Будьте добры, косячок передайте!»

В Питерборо родители открыли художественную галерею, которую назвали ArtSpace. Помню, все детство там проторчал. Помогал убираться после открытия. Познакомился с известными художниками, такими как Христо Явашев, он как-то приходил к нам с женой поужинать. Однажды папа заплатил нам с приятелем за продажу пива на одной из выставок. Нам тогда было лет по одиннадцать-двенадцать. Ближе к ночи гости прилично нажились. Один со мной даже сцепился, потому что у него кончились деньги, а я отказывался наливать бесплатно. Уже тогда я понимал, что ночка предстоит сумасшедшая. Папа после этого разрешил свернуть лавочку.

Времена были другие.

1973 год

Маркхэм, Онтарио, Канада

Мне пять лет. Мы в гостях у тети Лесли. Отец спускается по лестнице в подвал. Мы там с кузенами Кевином и Элисон валяемся на креслах-мешках, слушая «Poetry Man» Фиби Сноу. Когда папа входит, я что-то замечаю у него за спиной. Он улыбается. Словно знает, что, отдав эту вещицу, навсегда изменит мою жизнь. Так и случилось.

Он вручает мне мой первый в жизни *комикс*.

Про Бэтмена. Я до сих пор помню обложку. Темный Рыцарь и таинственный город Готэм, скрытый в тенях ветхих построек и разнообразных персонажей. Яркие образы произвели на меня неизгладимое впечатление. Я разглядывал обложку, после чего посмотрел на улыбающегося отца.

– Что это? – у нас обоих горели глаза.

Я не совсем понимал, на что смотрю. Меня очаровал уже сам логотип. Все рисунки ожили. Мне не терпелось погрузиться в книгу. Не понимал, происходит ли все это на самом деле. Думаю, этим объясняется размытая грань между фантазией и реальностью происходящего. У меня всегда отлично получалось претворять в жизнь грандиозные *сны*. Свои. Чужие. Хотя некоторые более приземленные реалии вызывают трудности. Я искренне верю, что притчи о добре и зле, которые я почерпнул из комиксов в детстве, как-то связаны с превращением фантазий в реальность. И в жизни, и в карьере. Уже будучи взрослым, я обсуждал это с отцом за парой баночек холодного канадского пивка. Я спросил: «Как думаешь, пап, как такое возможно?»

Хондо посмотрел на меня и улыбнулся. «Себастьян. Это потому, что ты *веришь*».

Я улыбнулся в ответ.

Убежав в соседнюю комнату, я прыгаю в кресло-мешок, где поглощаю каждую мелочь, каждый миллиметр комикса про Бэтмена. Так зародилась одержимость длиной в жизнь, манящая снова и снова. Раз за разом. Страсть к комиксам. К супергероям. К поп-арту.

К чтению.

В будни прилежного коллекционера комиксов я окунулся еще в детстве. Вступал в книжные клубы, бегал в местный универсам с мелочью. По вторникам туда привозили «Невероятного Халка», «Фантастическую четверку», «Свехлюдей», «Призрачного гонщика» и прочие творения Джека Кирби, Нила Адамса, Майка Плуга, Херба Тримпе. В гараже мы открыли собственный клуб комиксов, через который проходили сотни, если не тысячи журналов. Мой приятель Эндрю Спрингер жил через дорогу. Мы с ним просматривали все экземпляры, расставляли по алфавиту и распределяли по категориям. Обсуждали художников, авторов и сами рассказы. Даже сюжетные линии.

Я пытаюсь донести до своих детей, что тогда у нас было лишь воображение. Никакого тебе интернета, кабельного телевидения, видеоигр, IMAX и прочей виртуальной херни. Ничего, кроме *неподвижных картинок*, а для всего остального – собственная *фантазия*. То же самое и с рок-н-роллом. Все, что у нас тогда было, – журналы, фотографии и плакаты, на которые смотрели, слушая пластинки. Вот почему обложки играли такую важную роль, а сегодня, в серую и безвкусную эру iTunes, они кажутся причудливым пережитком прошлого. Позорище.

Мир Marvel и DC стал краеугольным камнем воображения. Дома в Каване, Онтарио, антенна ловила всего три черно-белых канала. Большинство программ канадского телевидения были про керлинг, боулинг, хоккей на траве, а иногда попадались захватывающие спецвыпуски о подледной рыбалке. Не самый *увлекательный* материал для активного детского ума. Вселенная Marvel была в тысячу раз интереснее телевизора. Я читал о Невероятном Халке и Человеке-пауке и реально *верил* в истории, в которые погружался. У них была единая предпосылка. Добро над злом. Повзрослев, я нажил врагов и завел друзей благодаря такому черно-белому мышлению. Как по мне, я всегда стараюсь *поступать правильно*. Иногда случаются неудачи. Могу облажаться. Но цель всегда одна.

С большой силой приходит
большая ответственность,

не зли меня, я тебе
злой не понравлюсь.

Как-то раз во втором классе директор и учительница вызвали в школу родителей. Они сказали, что не понимают, «что не так с Себастьяном. Всякий раз, допустив хотя бы одну ошибку в тесте, он отчаянно себя лупит. Мы еще не встречали таких детей». Они объяснили, что я не могу смириться с ошибкой. И если я допускал промашку, сам себя наказывал.

Думаю, это связано с тем, что однажды отец высадил меня из фургона и заставил идти домой по болоту Каван. В кромешной тьме.

Потому что я получил четверку за тест.

Лето 1975 года

Набережная Санта-Крус

Я держу папу за руку.

Мы только что вышли с американских горок и идем через парк развлечений. Жарко. Я ем сладкую вату. Мне семь.

Волишебное место. Сегодня я впервые прокатился на американских горках! Я, конечно, орал, а еще меня стошнило хот-догом на тетю, сидевшую позади. Прикиньте!

Мы с папой идем к набережной. Подходим к высоченной витрине с призами, которые можно выиграть в автоматах.

Что-то в самом верху привлекло взгляд семилетки. Уже издали я начал рассматривать картинку, но юный мозг никак не мог понять, что же это такое.

Я хватаю отца за руку, и мы направляемся к витрине. Мы все ближе. К чему-то непонятному.

Шум аттракционов в парке развлечений и детский смех постепенно стихают. Взгляд прикован к картинке на витрине, которая с каждым шагом все ближе.

Она завораживает и одновременно пугает. Я совершенно сбит с толку. Персонажи выглядят чарующе и пугающе, но взгляд я отвести не могу.

– Папа! Что это? – отчетливо помню, как посмотрел на отца в поисках поддержки и какого-то объяснения.

– Это, сынок, – сказал он с ухмылкой, – KISS...

«Слава в вышних Богу»: я полюбил пение с ранних лет

1976 год

Питерборо, провинция Онтарио, Канада

А точнее, в восемь.

До того, как я присоединился к хору англиканской церкви Всех Святых, воспоминания о пении неразрывно связаны с мамой – Кэтлин. Ее любовь к вокальным гармониям повлияла на меня еще в детстве. Вместе с сестрой Лесли они целыми днями музицировали дома, распевая Everly Brothers и всевозможные хиты своего поколения, среди которых, например, композиция группы The Bird and the Bee:

Я знаю, я знаю,
сегодня
ты – мой.

Они пели в унисон с Линдой Ронштадт, Элтоном Джоном, Нилом Янгом, The Beatles, Валди, Мюрреем Маклафланом, Rough Trade, Бобом Марли, Джоан Арматрейдинг. Из магнитофона постоянно звучала невероятная Фиби Сноу. Одна из самых талантливых и, возможно, недооцененных исполнительниц. Спустя много лет мы встретились с ней на съемках шоу для канала VH1. Милейшая женщина. Мы пели за кулисами.

– Привет, Фиби! Я – Себастьян! Обожаю твой голос! Слушай, как думаешь, сможешь спеть так же высоко, как я?

– Привет, Себастьян! Я – Фиби! А ты думаешь, что сможешь спеть так же высоко, как я? – так завязался разговор. Мы болтали по телефону, планировали погулять и поужинать. Я тогда бухал и до сих пор корю себя за то, что не ценил нашу дружбу. Она умерла примерно через год после нашей встречи. Нам так и не удалось поужинать. Я до сих пор слушаю «Poetry Man» и другие песни, особенно в самолетах, в машине. Ее голос успокаивает. И каждый раз, когда его слышу, жалею, что игнорировал приглашения.

Мама с сестрой готовили картошку фри, танцевали и пели «Fige» Джими Хендрикса. Я тогда пешком под стол ходил, но уже все выпитывал. Радость. Смех. Восторг. Музыка всегда доставляла мне *удовольствие*.

Пожалуй, самое первое воспоминание о пении связано с «Puppy Love» Донни Осмонда. Мама приглашала друзей со всей округи, ставила меня на кухонный стол, и я пел. Однажды во время исполнения «Puppy Love» мы увидели в окно пожар в доме неподалеку. Все бросились на улицу, а когда вернулись, я продолжил. Мама плакала, когда я пел.

А еще я как-то раз исполнил «Emotional Rescue» The Rolling Stones. Сидя на заднем сиденье маминой машины, я подпевал Мику Джаггеру:

Я буду рыцарем в сияющих доспехах
И окажу тебе эмоциональную поддержку.
Ты будешь моей, ты будешь моей.

Мама и ее друзья просили: «Себастьян!! Спой еще раз! Спой еще! *Еще раз!*»

А я смеялся и вел себя так, словно я и есть Мик Джаггер. Именно так мне казалось.

Благодаря чему я на самом деле полюбил пение?

Церковь.

Знаю. Кто бы мог подумать.

Когда мне было восемь, мы жили на Донегол-стрит в Питерборо. После школы я играл с друзьями или гонял на велике, ездил на заднем колесе и учился тормозить с заносом. Как-то раз я торчал перед домом, а мимо на велосипеде проезжал мой приятель Диксон Дэвидсон.

– Здорово! Слушай, я пою в церковном хоре! И если уговорю и тебя там петь, то получу три бакса! ПЛЮС они каждый месяц будут платить ТЕБЕ *стипендию*!! Ну, если ты, конечно, пройдешь прослушивание!!

Что это за хрень такая – стипендия?

Одно из самых ярких воспоминаний родилось именно тогда. Я обернулся. Посмотрел на небо. Обвел взглядом улицу и подумал:

Чегооооо? Мне будут платить?? За пенне??

Диксон такой: «Ну, давай же!! Погнались!! *Прямо сейчас!!*»

К идее я отнесся скептически, но сел на велик и все же поехал за Дэвидсоном. У нас к спицам были примотаны бейсбольные карточки. Создавалось ощущение рева мотора.

Так я ступил на этот путь.

Мы мчались по кварталам провинциального канадского городка к англиканской церкви Всех Святых. Диксон провел меня вниз по ступенькам в подвал, где репетировал хор. Мужской. Партии сопрано, альты, тенора и баритона. Хормейстером был мистер Брайан Снелл.

Диксон подвел меня к пианино, где прослушивали мальчиков. Когда подошла моя очередь, я встал справа. Мистер Снелл был заинтригован.

– Что ж, Себастьян, давай будем постепенно повышать тональность и посмотрим, как далеко сможем продвинуться. Нужно выяснить, умеешь ли ты петь.

Я вспомнил кухонный стол и Донни Осмонда. Вспомнил заднее сиденье машины, где пел Rolling Stones маме и ее друзьям.

Пальцы мистера Снелла побежали по клавишам.

Мы все продолжали и продолжали.

Без остановки.

Голос звучал все выше и выше, хормейстер взглянул на меня. Я не сбавлял темп. Мы добрались почти до самого верха, прежде чем он улыбнулся и произнес.

– Да, Себастьян. *Ты в хоре.*

Я не сразу замолчал.

Поверить не могу. Каждый месяц мне будут платить больше *трех долларов*. Для восьмилетки в 1976 году это нехилая сумма. В то время постеры KISS стоили около 1,75 доллара. Я задался целью собрать их все и обклеить стену. По моим подсчетам, если вступить в церковный хор, можно было покупать два постера KISS в месяц. Да, черт возьми!

Где подписать?

Это настоящий концерт.

По вторникам и четвергам после школы я исправно ходил на репетиции. Каждое воскресенье в полвосьмого я был уже в церкви, в белой рясе, синей мантии, парадных туфлях и серых брюках. Готовый к выступлению. В хоре все зависели друг от друга, прямо как в настоящей рок-группе. Все были профессионалами. Мы очень серьезно относились к своему делу. Пение псалмов на латыни и классических английских гимнов совсем не похоже на пение рождественских песен, которые вы слышите в торговом центре. Это непростая вокальная музыка, а хормейстеры вели себя словно надсмотрщики. Нам нельзя было пропускать репетиции и службу. Нужно было петь, причем хорошо. Что мы и делали.

В восемь лет я впервые побывал на гастролях с церковным хором. Мы частенько мотались. Ездили в отдаленные церкви по всей провинции Онтарио. Пели утром по воскресеньям для прихожан разных городов. Как-то даже доехали на автобусе до северной части штата Нью-

Йорк. Мама помогла собрать сумку, я сел в автобус и около суток ехал из Канады *в другую страну*. Потом перешли границу. Мы остановились в доме пастора на севере штата. Я ночевал в спальном мешке на чердаке с другими мальчишками из хора. Ранним воскресным утром нас разбудили солнечные лучи, пробивавшиеся через церковные окна. Мы дружно славили Господа своими песнями. После чего нас ждал сытный обед. А затем снова погрузились в автобус и отправились домой на север. Сейчас в это трудно поверить. Неудивительно, что я привык к разездам.

Я навсегда запомнил тот самый момент, когда по-настоящему влюбился в пение. Это произошло в канун Рождества 1976 года. Во время полуночной мессы мы пели классические английские гимны, такие как «Земля надежды и славы», латинские псалмы со стихами «Requiem Aeternam» и прочие. Очень много прихожан пришло на всенощную. В восемь лет редко позволяли засиживаться до полуночи. А тут служба в полдвенадцатого только начиналась. Казалось, собрался весь город. За окнами шел снег. Я помню возбужденную, ликующую толпу в свете рождественских огней.

В ту ночь мы воспевали небеса. Мама и другие родственники тоже в ту ночь были в церкви. Когда я взял высокие ноты в Gloria In Excelsis Deo, вся секция сопрано достигла музыкального *крецендо*, которое я почувствовал каждой клеточкой тела, разума и души. Восторг оттого, что мне даются верхние ноты в партии сопрано той песни, сменился чувством ликования, которого я в жизни никогда не испытывал. Я оглядел хор, хормейстера и прихожан. Мы были *одним целым*. Меня поразило состояние музыкальной и духовной радости.

Я знал только одно. И знал наверняка.

Я обожаю петь.

И буду этим заниматься до конца своих дней.

Это подводит нас к еще одной страсти всей жизни.

Дамы и господа, самая крутая группа в мире: KISS!!!!

KISS – это комиксы, фильмы ужасов, субботние утренние мультфильмы и рок-н-ролл – все сразу. Много написано о влиянии этой группы на наше поколение. Особенно на моих ровесников. Позвольте мне, как преданному фанату армии поклонников KISS, рассказать, каково быть десятилетним мальчишкой в 1978 году.

Сегодня сложно по-настоящему оценить то, что четверо мужчин в масках бесчинствовали по всему миру, извергая кровь и пламя. И держали свои личности в абсолютной тайне. Возможно, вам это покажется не столь важным. Но для ребенка моего возраста в конце 1970-х это была просто фантастика. Мы чуть не свихнулись оттого, что не знали, как на самом деле выглядят эти парни. Из-за подобной таинственности они походили на настоящих супергероев.

Мы пытались представить, как бы выглядели KISS без грима. Полный полет фантазии. На внутреннем развороте альбома *Double Platinum* были тисненые на серебристой пленке изображения четырех музыкантов. Наложив кальку, мы обводили карандашом глаза, нос и рот. Нам отчаянно хотелось разглядеть лицо Брюса Уэйна под маской Бэтмена.

Отец всячески способствовал моему погружению в фантастический мир комиксов и рок-н-ролла. Лет в девять он даже свозил меня в *офис* Marvel Comics на Манхэттене. Мы остановились у дяди Боба и тети Джанин, у кузенов Дэвида и Мишель Нили в Мэдисоне, штат Коннектикут. Отец мотался по делам в Нью-Йорк. И частенько брал меня с собой.

В машине он вручал мне стопку журналов по искусству, среди которых были *Art in America* и *Art Magazine*, и я читал ему вслух статьи, например про философию Дюшана. Он как-то заставил меня выучить ее наизусть и пересказать своим студентам в Питерборо. Чем изрядно их повеселил. В дороге он хвалил меня, говорил, что я *великолепно читаю*. Такая похвала побуждала читать больше.

В тот день в Нью-Йорке он, как обычно, меня удивил. Мы отправились в штаб-квартиру Marvel Comics. Поднялись на лифте на самый верх. Прошли в приемную. На стене висели

огромные плакаты с моими кумирами – Халком, Человеком-пауком, Фантастической четверкой. Секретарь была очень любезна. Устроила нам экскурсию по помещениям, познакомила с художниками и писателями. Никогда не забуду, как они к нам отнеслись. Даже подарили всякие сувениры – блокноты, футболки, ручки. Это невероятный подарок отца девятилетнему сыну.

После экскурсии по офису Marvel по дороге в Коннектикут мы заехали в универмаг. Тогда как раз вышел самый первый комикс KISS Marvel. Лежал прямо там, на прилавке, рядом со специальным выпуском журнала *Cream*. Помню, как держал комикс KISS в одной руке, а шоколадное молоко в другой. На обложке красовался культовый слоган:

Напечатано кровью самих KISS.

Я уставился на надпись. Тогда, в девять лет, я на сто процентов был убежден, что красные чернила и впрямь – *кровь участников рок-группы KISS.*

Кто еще на такое способен?

Вы удивляетесь, почему эти музыканты оказали такое влияние на целое поколение? А ваша любимая группа могла бы навалить Доктору Думу?

И написать об этом настоящей кровью?

Невероятно круто.

До 1978 года я жил комиксами и музыкой. А потом все резко изменилось... как и у многих других ребят в конце 1970-х и как продолжает меняться по сей день. В том числе и у моих детей.

В 1978 году мама и папа решили развестись.

Расставаться всегда тяжело

Невозможно было не заметить. Папы просто *не было рядом*.

Я не придавал этому большого значения. За пару месяцев до этого развелась тетя Лесли. Тогда это в голове не укладывалось. Я как-то спросил ее в машине:

– Почему? Как такое могло произойти?

– Твой дядя сказал, что я ему больше не нравлюсь, Себастьян. Можешь представить, каково это?

И хотя мне было всего десять, я прочувствовал всю боль тети Лесли.

А вскоре познал собственную.

– *А где папа?*

Однажды вечером мама сказала нам с сестрой, что у нас будет семейный совет. Впервые произошло нечто такое, из-за чего нам понадобилось созывать *семейный совет*. Это явно не к добру, подумал я. Ближе к вечеру в доме впервые за несколько недель появился папа. Мы с Хизер очень обрадовались, а вот родителям было явно не по себе. Мы сели ужинать, как делали много раз. Еще совсем недавно.

В столовой повисла неловкая тишина. На протяжении многих лет, что мы жили в Каване, папа обычно врвался в комнату, перепачканный краской и скипидаром, и плюхался за обеденный стол. Его резкий запах всегда будет напоминать мне об отце. Его буквально *распирало*, пока он с энтузиазмом обсуждал работу в галерее. Картины, которые нужно нарисовать. Места, где довелось побывать. Новые знакомства. Выставки художников, которыми он страстно восхищался. Однажды я взмолился.

– Па-ап! Пожалуйста, давай поговорим о *чем угодно*, кроме искусства!!

Родители так смеялись.

Однако в тот вечер я бы все отдал, чтобы услышать папины разглагольствования об искусстве.

И увидеть, как мама смеется.

– Дети, мы должны вам кое-что сказать.

– Что, мам?

Ее слова прогремели, словно ядерный взрыв.

– Мы с вашим отцом решили *развестись*.

Далее произошло нечто неожиданное и странное. Ранний признак моего поведения в последующие годы, временами абсолютно обескураживающего.

Мне было всего десять, но по какой-то причине то, что произошло дальше, показалось мне отличным решением.

Я встал из-за стола. И не говоря ни слова пошел на кухню. Открыл ящик с инструментами. Взял молоток с круглым бойком и отправился наверх. В спальню.

Тогда я впервые в жизни почувствовал, будто отделился от собственного тела. Мне казалось, что все, что происходит, делаю не я. И, как выяснилось, далеко не в последний раз.

В спальне я беру молоток, поднимаю над головой и медленно, методично и точно начинаю *колотить им по стене*.

Я орудовал молотом, словно Мьельниром Тора. С мощью Халка я крошил гипсокартон на куски. Изо всех сил. Я почему-то решил, что должен *делать дырки*. В стенах.

Ради Асгаарда,
Один, отец мой,
Пожалуйста,
Не оставляй нас.

Именно такая у меня была реакция на новость о том, что отец бросает маму, сестру и меня.

Он уходит от нас.

Он уходит от *меня*.

Я разнес гипсокартон в крошки. Несколько месяцев до этого папа кропотливо рисовал гигантское изображение Халка на одной из стен. Его я не тронул. Я бы никому не позволил отнять у меня еще и Халка.

Я стоял на обломках разрушенного детства. Потом повернулся и посмотрел в дверной проем.

На пороге стоял отец. Он наблюдал за процессом.

Он не рассердился.

Он молчал.

Демоны рока

После 1978 года мой мир *поглотил* рок-н-ролл.

После 1978 года мой мир захватили KISS.

После развода родителей и распада семьи я поклялся. На всю оставшуюся жизнь. Я никогда и *никому* не позволю отнять у меня рок-н-ролл.

Я ни за что не дам разрушить *мою* вселенную... KISS. Меня лишили семьи. Отец ушел. Так что в десять лет я создал совершенно новый, *собственный мир*. Мир, который не хотелось покидать.

Там извергалось пламя, кровь текла рекой, с неба падали гитары, парили барабанные установки, а еще были сухой лед, пиротехника, дым и оглушительная громкость. Я и другую музыку любил. Но KISS – особенная группа. Они стали моей жизнью. И ничто и никто никогда не встанет между мной и моей любовью к KISS и рок-н-роллу.

Я пел в хоре и разносил газеты, откладывая деньги. При любой возможности подрабатывал у отца, чтобы купить самые крутые журналы того времени: *Creem, Rock Scene, Circus, Rocket, Rock, SuperRock, 16, Teen Machine, SuperTeen*. Как и остальные ребята, я вырезал картинки, вырывал постеры и обклеивал стены спальни изображениями KISS. Мы с матерью переехали в таунхаус на углу улиц Шарлотт и Рубидж в Питерборо. Я приходил из школы и сразу шел в спальню, погружался в собственный мир. Ставил любимую пластинку. Даже засыпал в наушниках. Запоминал каждую ноту. Не пропускал ни одного интервью. Внимательно рассматривал все фотографии. Изучал каждую позу.

Этот мир сводил с ума.

Но не давал чувствовать себя одиноким. Я верил, что вокруг столько всего *класного*. Я всегда буду благодарен группе KISS за то, что они оказались рядом, когда были так необходимы. Когда я отчаянно нуждался в *развлечениях*. Я тогда радовался любой найденной монетке.

Другие коллективы мне тоже нравились. На смену KISS пришли Cheap Trick, Van Halen и Rush. Но никогда не было и не будет группы, которая захватила бы воображение так, как KISS. Мои отношения с ними, с их музыкой и влиянием на мою семью и карьеру – настоящая одержимость. И она продолжается. По сей день.

Спустя год после развода мы узнали сногшибательную новость.

KISS приезжают в город.

В Maple Leaf Gardens. В Торонто.

На концертах я к тому времени уже бывал. Самым первым шоу, куда я попал, стали The Stampede, у которых как раз вышел хит «Sweet City Woman». Я ходил со старшим братом няни моей соседки Кэролайн Хит. The Stampede выступали в колледже в Питерборо, когда мне было лет восемь.

А в 1978 году в Maple Leaf Gardens приезжала с концертом группа Boston.

Джек-пот в рок-н-рольной лотерее

Открывал шоу Сэмми Хагар. Папа отправился на концерт со своей девушкой Лиз, и они взяли меня с собой. Я ушам своим не поверил, когда Сэмми Хагар заорал в микрофон.

– ТОРОНТО!!!! Мы сегодня НЕХЕРОВО ТАК ОТОРВЕМСЯ!!!! ВЫ ГОТОВЫ????

Эффект от его слов больше походил на разорвавшуюся атомную бомбу в мозгу. Своей пламенной речью он сотрясал консервативный канадский воздух огромного зала легендарного Maple Leaf Gardens. Который, к слову, уже заволок густой дым от марихуаны, проникавший в ноздри так же глубоко, как и ругань, доносившаяся из динамиков. Ну, раз уж речь зашла о зависимостях длиною в жизнь... Я отвлекся... (*Закашлялся.*)

Я взял отца за руку, слегка встревоженный сложившейся ситуацией, чтобы удостовериться, что все нормально.

– Пап! Этому человеку на сцене разрешено так говорить????

Он лишь посмотрел на меня и рассмеялся.

Слышать ругань через динамики. Еще одна зависимость, уже третья.

4 августа 1979 года

Торонто, Онтарио, Канада

Приезд KISS в Торонто в рамках Dynasty Tour изменил мою жизнь. Навсегда.

Мы с мамой и сестрой съехали из дома на Донегол-стрит, где когда-то жили с отцом. И поселились в многоквартирном таунхаусе на Рубидж-стрит. Это место сильно отличалось от всех тех, где мы жили прежде. С того дня, как нам сообщили, что папа съезжает, я больше не видел родителей вместе в одной комнате. С того самого вечера, когда разгромил спальню молотком.

Родители осознали, как много KISS стали значить для меня после развода. Группа давала психологический выход разочарованию. Страхам, неуверенности, тоске по отцу. По беззаботным временам. KISS заглушали реальную боль от развода, терзавшую мое сердце. И понимая все это, папа принял невероятное решение. Оно так много значило для меня, что, вспоминая об этом, не могу сдержать слез.

Отец решил воссоединиться с мамой. В последний раз.

Всего на один вечер.

Взять меня, маму и сестру на концерт KISS.

Повторюсь. Мама и папа решили *собраться всей семьей*. Они решили подарить мне воспоминание, которое изменит меня как человека. Изменит мою жизнь. Навсегда.

Трудно описать, что я испытал, увидев, как папа идет по тротуару, возвращаясь в нашу жизнь. В тот день он появился в таунхаусе, одетый *с иголки*, в «канадский смокинг». Синие джинсы, джинсовая куртка, белая футболка без рукавов, а на голове красная бандана. Шагая по Рубидж-стрит с широченной улыбкой на лице, он закричал: «Эй, БАААС!!!!»

Он меня так называл.

Я сбежал по ступенькам, прыгнул с крыльца прямо в объятия отца. Мы смеялись. И крепко обнялись. Я обернулся и увидел, как сестра плачет от счастья. А сзади стоит мама. Мы готовы отрываться. Наша семья *снова в сборе!!!!*

Мы увидим KISS!!!!!! СЕГОДНЯ!!!!!!!!!!!!

Эти события повлияли на мой одиннадцатилетний разум и отражают всю сущность того, кто я есть. Кем я начал *быть*. Тот вечер объясняет истоки моей глубокой, бесконечной любви к рок-н-роллу. В сочетании со сладкой горечью потери. Любви. Семьи.

Эскапизм. Фантазия. Театральность. Много лет я рассказывал эту историю сразу нескольким психотерапевтам. И каждый раз видел их говорящий взгляд: «Ну что ж, это *все* объясняет. *Неудивительно*, почему вы *этим* зарабатываете». Знаете, они правы.

Впервые за долгое время мы вместе забрались в машину отца. Был прекрасный летний день. Из Питерборо до Торонто около двух часов пути, который мы проделывали не раз. Но на выступление *самой крутой группы в мире* ехали впервые. Диджей CHUM FM объявил, что Джин Симмонс даст им интервью сразу после рекламы. От волнения меня подташнивало, и тут Джин вышел в эфир и начал рекламировать шоу. Я слушал его низкий серьезный голос, описывающий нашей воссоединившейся семье, как KISS собирались всего за пару часов разнести *город* на куски. *Я там буду*, подумал я. *Поверить не могу, что это происходит со мной*.

Священные залы Maple Leaf Gardens становились все ближе. Припарковались. Выйдя из машины, мы оказались среди фанатов, одетых как KISS. Абсолютные копии, в такой же обуви, костюмах, макияже. Я попал в рай.

Затем пошли перекусить в «Макдоналдс» на перекрестке Колледж-стрит и Янг-стрит. Пока мы ждали в очереди свой «Хэппи Мил», нас окружило еще больше двойников KISS. Фальшивый Эйс заглянул за молочным коктейлем, а Питер псевдо-Крисс стоял в очереди в кепке дальнобойщика CAT Diesel Power. Лучший вечер в моей жизни.

Когда мы пришли на арену, стало очевидно, что места у нас не самые классные. Высоко под потолком в задней части зала. *Далековато от сцены*, подумал я. Но большой роли это не играло. На разогреве выступали New England, я в полном восторге разглядывал толпу зрителей. Мое окружение. Это *мой* мир. Меня распирало от возбуждения. Как говорится, я был счастлив уже оттого, что просто *нахожусь* там. Но что я понимал... у отца были другие планы.

Папа тогда совершил самый неожиданный поступок. После выступления New England мы сидели на своих дерьмовых местах, смеялись, глазели по сторонам, снова одной семьей, снова вместе. Ели хот-доги с коллой. Отец ни словом не обмолвился о том, что собирался предпринять. Теперь я понимаю, он просто не хотел, чтобы охрана заметила, где мы сидели. Он никому ничего не сказал. На дешевых местах нам сидеть не пришлось.

После перерыва свет гаснет.

KISS собираются разнести город к чертям.

Отец хватает меня. Поднимает на руки. В темноте все взгляды прикованы к сцене. Звучит проигрыш, и, когда крики толпы достигают беспрецедентных децибел, из динамиков вырывается низкий демонический басистый рокот.

– Мы не будем сидеть ЗДЕСЬ!!! – отец пытается перекричать эту вакханалию. Я понятия не имею, что происходит.

Затем, схватив одиннадцатилетнего ребенка, отец перепрыгивает через перила сидений на танцпол. Он держит меня так же, как учил держать футбольный мяч. Как батон хлеба. Под мышкой. Мы оказываемся в самом конце танцпола. Папа изо всех сил несетя к сцене, стараясь не попадать в поле зрения охранников. Хотя те слишком заняты, наблюдая за тем, как зажигают KISS.

Мы оказываемся в самом начале десятитысячной толпы, в первом ряду танцпола. Я поверить не могу в то, что происходит. Зажатый другими фанатами, отец сажает меня к себе на плечи. Теперь я на одном уровне с моими кумирами, всего в нескольких метрах от них. KISS!!!!!!!

Мы стояли так близко к сцене, что, когда пиротехника начала извергать огонь в канадскую ночь, я почувствовал жар на коже. Меня *обожгло*. Я даже вспотел. Буквально принял рок-н-рольное крещение *огнем*.

К тому времени, когда KISS добрались до «Calling Dr. Love», я плакал на плечах отца. Как те девчонки, рыдающие на концертах Beatles, я испытывал смесь самых разных эмоций.

Волнение, удивление, испуг, восторг, ужас. Все слилось в одну истерику. Я никогда раньше не испытывал ничего подобного.

Папа, вооружившись своей вездесущей камерой с объективом Leica, безостановочно фотографировал. Кадр за кадром. Боже, какое счастье, что он все снимал. В туре Dynasty у KISS появилось несколько новых трюков, которых не было раньше. У всего зала челюсти отвисли, когда Джин Симмонс расправил крылья летучей мыши и взлетел ввысь, приземлившись на стропила на самом верху. Эйс исполнял соло, стреляя из гитары пылающими ракетами, взорвав в итоге дымящуюся Sunburst Les Paul, на которой играл всего несколько минут назад.

Ближе к концу шоу Эйс сделал пару глотков из пластикового стаканчика и бросил его прямо *мне*. Я его поймал, принес домой и хранил долгие годы. Во время собственных выступлений, спустя десятки лет, я до сих пор помню те ощущения. Если вижу ребенка у сцены, всегда стараюсь кинуть ему бутылочку воды. Я никогда не забывал, что чувствовал себя особенным, получив вещицу от самого Эйса Фрейли.

Эти концерты захватили мое воображение, как и многих моих сверстников. Мне непонятно, почему участники KISS иногда говорят о том, что тур Dynasty их в какой-то мере разочаровал, поскольку в зале было полно «детей». Я был одним из них. Вместе с друзьями Винни Полом и Даймбэгом Даррелом (ныне покойным) из Pantera, Томом Морелло из Rage Against the Machine и многими другими. Пускай некоторые зрители и были «детьми», KISS стали своего рода наркотиком, открывшим нам мир рок-н-рольной музыки. Некоторые и сами стали рок-звездами. Я благодарен KISS за то, что подарили моему поколению такую страсть и увлечение. Спасибо им за зрелищность. За подачу. За развлечения. Но самое главное – за крутые песни. Именно они заставляют нас «Rock and Roll All Nite²». И тусить каждый день.

Когда в метели из конфетти по всей арене Maple Leaf Gardens прозвучали последние аккорды «Black Diamond», я изменился. Навсегда. После концерта мы сели в машину и сразу поехали домой. Было уже поздно. Время спать.

С тех пор я больше никогда не видел свою семью в полном составе.

² Отрываться всю ночь.

В нездоровом теле здоровый дух

1980–1982 годы

Лейкфилд, Онтарио, Канада

После того как папа снова женился, моя жизнь изменилась самым неожиданным образом. Меня отправили на три года в школу Лейкфилд. В частном интернате для мальчиков я жил с четырьмя парнями. Уход отца из семьи и так стал довольно серьезной переменной. Но оставить родных и жить с совершенно незнакомыми людьми – это в голове не укладывалось.

Преданный фанат хеви-метала, попавший в престижное учебное заведение, все равно что квадратный колышек, который пытаются просунуть в круглое отверстие. В отличие от родителей, которые сами хипповали в моем возрасте, мои новые родственники были консервативны по своей натуре, потому и частные школы были для них нормой. Папа помог с заявлением, а я прошел несколько тестирований. В сентябре 1980 года меня зачислили в седьмой класс, где было всего семь или восемь учеников.

Эксклюзивная и дорогая школа. Я сдал вступительные экзамены и благодаря набранным баллам меня приняли, выделив стипендию на обучение. Ко всеобщему удивлению я стал студентом.

В те дни учеба в школе Лейкфилд кое-что значила. Всего за три года до того, как туда зачислили Себастьяна Баха, сам принц Эндрю, герцог Йоркский, провел там год в качестве студента по обмену из Гордонстоуна в Великобритании. Любопытный факт. Мы двое? В одной школе? Кто бы мог подумать...

Лейкфилд – отличная школа. Она помогла мне стать тем, кем я стал, уж не знаю, хорошо это или плохо. Девиз школы – «Mens Sana in Corpore Sano», что в переводе с латыни – «В здоровом теле здоровый дух». Это означало, что абсолютно все ученики занимались спортом круглый год, каждый божий день. Ежедневно мы вставали в семь утра, принимали душ и надевали зеленый костюм с лацканами и эмблемой школы, галстук, серые фланелевые брюки и черные классические туфли. За любые нарушения униформы строго наказывали. Каждое утро, день за днем мы собирались в часовне к 7:50 утра и пели гимны. Хотя вообще-то церковные песнопения доставляли мне удовольствие. Их я ждал с нетерпением.

Недавно вышла книга, в которой говорится, что все, кто когда-либо *посещал* частную школу для мальчиков, подвергались физическому или эмоциональному насилию. Я лично наблюдал, как взрослые ребята прессовали мелких. В коридорах, если рядом не было учителя, старшекласники хватали ученика помладше, зажимали бедолагу у шкафчиков и били по рукам до синяков. Все вокруг смеялись и улюлюкали. Именно это происходило в частных школах для мальчиков в начале 1980-х. Совместное обучение в Лейкфилде ввели лишь через несколько десятилетий после моего поступления.

И на мою долю пришлось множество ударов и травм. После ужина некоторых ребят перед сном отправляли заниматься в учебный зал. Да, там не забалуешь. Тем вечером дежурил староста, которого я считал невероятно крутым. Я ляпнул что-то забавное, чтобы привлечь его внимание. Он подошел, схватил меня за волосы и начал бить лбом о перегородку моего рабочего стола. А все вокруг смеялись.

Но я всегда был крупным мальчишкой для своего возраста. Правда, я к этому относился проще, чем окружающие. И очень переживал из-за того, что нахожусь вдали от недавно распавшейся семьи. Я продолжал растворяться в музыке. Переехав в общежитие Colebrook House, я взял с собой стереосистему, на которую зарабатывал все лето. У меня были виниловые пластинки групп Cheap Trick и Rush. Едва переступив порог, я развесил плакаты KISS на стене вокруг своей койки на двухъярусной кровати. Остальные тоже заценили. Так я заводил друзей, когда учился в седьмом классе. Мне нравилось смешить людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.